

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Актуальные проблемы судопроизводства

Общие вопросы теории

Уголовное преследование

Прошу слова

Защита

Диалог с читателем

Официальная хроника и комментарии

Судебное разбирательство

В споре рождается истина

Вопросы международного уголовного процесса

- ✓ Проблемы правового статуса прокурора в досудебном производстве
- ✓ Доказательственная сила как свойство доказательств в современном уголовном судопроизводстве России
- ✓ Защита прав обвиняемого по уголовным делам, расследуемым в форме дознания
- ✓ Проблемы судебного контроля при исполнении приговора и иных процессуальных решений

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ СИЛА КАК СВОЙСТВО ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

ЩЕРБАКОВ С.В.,

аспирант кафедры уголовного права и специальных юридических дисциплин юридического факультета международного «Института управления» (г. Архангельск), магистр юридических наук, помощник проректора института по правовым вопросам

Вопрос о свойствах доказательств в уголовном процессе не является принципиально новым. Более того, до последнего времени данная область теории доказательств считалась наиболее разработанной и проанализированной массой различных авторов и их коллективов. По проблемам доказательств (в том числе и их свойств) написано множество фундаментальных работ, учебников, практических пособий, статей¹ и диссертационных исследований.

Однако последнее время, время реформ, добавило проблем, стоящих перед судопроизводством. Одна из них — это проблема **убедительности доказательств**, которая сводится к тому, что ориентация на внутреннее убеждение, а не на какие-либо объективные механизмы оценки доказательств предполагает то, что субъекты доказывания исходят в своих выводах при принятии решений именно из убедительности доказательств².

Об этом явлении, т. е. об убедительности, говорится на сегодняшний день и в законе: ч. 1 ст. 339 УПК РФ. В приводимой статье указывается именно на такое субъективное качество доказательств, как их убедительность. При этом не затрагиваются объективные характеристики доказательств, такие как относимость или допустимость.

Другое новое свойство доказательств предлагает В. Будников. Как он утверждает, «данное свойство... вполне логично назвать **конвергентностью** (от лат. *convergiō* — «сближаюсь, схожусь»), что означает способность единичного доказательства входить в совокупность однородных доказательств, приобретать в связи с этим доказательственное значение (силу), а также способствовать установлению силы других, находящихся в этой совокупности доказательств»³.

Данные предложения о расширении круга свойств доказательств — новы только сущностно и во времени. Сама же идея усмотрения за доказательствами свойств, не оговоренных уголовно-процессуальным законом, — не нова и предлагалась уже в советской науке уголовного процесса.

Так, несмотря на то что вопрос о силе доказательств и об их юридической силе обычно рассматривается изолированно от устоявшейся в теории (как, впрочем, и закрепленной в законе) позиции ограниченного круга свойств уголовно-процессуальных доказательств, все же есть ученые-про-

цессуалисты, мнения которых сводятся к тому, что свойства доказательств не должны ограничиваться относимостью, допустимостью, достоверностью и достаточностью, а должны быть дополнены положениями о силе.

Например, авторы «Курса советского уголовного процесса»⁴ вели речь об определении относимости, допустимости, достоверности и достаточности, и к этому перечню добавляли **значение (силу) доказательств**⁵.

Мы, соглашаясь с вышеуказанными авторами, склоняемся к тому, что проблема круга свойств уголовно-процессуальных доказательств — существует. В связи с этим отметим следующие обстоятельства.

Классическими, т. е. устоявшимися в теории и практике, а также законодательно-закрепленными являются такие признаки (свойства) доказательств, как относимость, допустимость, достоверность, достаточность.

Новационными, т. е. предлагаемыми некоторыми учеными, свойствами доказательств можно признать убедительность, конвергенцию, силу (значение, ценность).

Анализ предложений об убедительности и силе как о свойствах доказательств позволяет прийти нам к выводу о том, что фактически эти понятия являются аналогичными. Дополнив их, предложим комплексное понятие **доказательственной силы доказательств**.

Несмотря на законодательную формулировку, утверждающую правило о том, что никакое доказательство не имеет заранее установленной силы, субъективное отношение лица, исследующего доказательство к виду доказательства, так или иначе имеет значение.

Отношение сотрудников правоохранительных органов к видам доказательств (т. е. к силе конкретного вида доказательства) не имеет общей направляющей: одни следователи считают наиболее заслуживающими внимания и усиливающими позиции (обвинения/защиты) — показания свидетелей, другие — результаты опознания, третьи — заключения эксперта (на практике довольно распространена завышенная оценка его доказательственного значения⁶), четвертые — вещественные доказательства и т.д.

Об этом явлении, т. е. о понимании силы доказательств исходя из конкретного их вида, велась речь и в научных кругах. С высказываниями о большей или меньшей ценности некоторых видов доказательств выступали такие ученые-процессуалисты, как И. Якимов, В. Громов, А. Вышинский и другие процессуалисты⁷. Такое понимание одного доказательства более сильным, чем другое, характеризует первый из элементов вводимого понятия доказательственной силы: **субъективное отношение лица к виду доказательства**. Категория «вид доказательства», т. е. субъективное отношение к нему субъекта доказывания, имеет место в современной следственной практике и определяется нами как не устранимое процессуальными позитивными запретами⁸ влияние скрытого внутриличностного понимания силы и приоритетности конкретного доказательства перед другим, складывающегося, например, на основе следственной практики⁹.

Следующий признак доказательственной силы, т. е. **признак субъективной надежности источника доказательства**, рассмотрим на примере доказательств в форме показаний.

Показания свидетелей подвергаются сомнению в связи с тем, что они, как и все люди, могут заблуждаться в силу своих как индивидуальных особенностей, так и общих для всех людей (плохое зрение, плохой слух, психические отклонения, не исключающие возможности дачи показаний).

Выявленные закономерности в понимании силы доказательств субъектами доказывания подтверждаются, например, такими высказываниями: «Психическое заболевание не исключает способность больного к элементарному мышлению, к простейшим умозаключениям, к запоминанию событий и т.д. Именно эти способности можно и нужно использовать при производстве следственных действий... Показаниям психически больных граждан можно доверять. Конечно, к ним *необходимо относиться критически*, но полностью исключать их из способов доказывания нельзя»¹⁰.

Другим обстоятельством является то, что свидетель может как добросовестно заблуждаться, так и намеренно вводить в заблуждение. Так, «по ряду дел... приходится сталкиваться с сознательным изменением показаний не только подсудимыми, но и потерпевшими и свидетелями»¹¹.

Кроме того, и в судебной практике неоднократно возникали и возникают подобные ситуации, когда необходимо довериться лишь одним из нескольких показаний: «*Ш. был осужден по ст. 15 и ч. 1 ст. 174. 1 УК РСФСР за покушение на посредничество в взяточничестве. Воснову приговора были положены показания свидетеля О. о передаче ею Ш. 50 рублей. Однако показания О. не были подтверждены другими доказательствами, а правдивость ее показаний вызывает сомнения...*

Ш. выдвинул контрверсию о наличии у него алиби и, следовательно — о своей невиновности. Ш. утверждал, что в период, когда якобы О. передала ему деньги, он находился в длительной командировке. Президиум Верховного Суда РСФСР приговор по этому делу от-

менил, а уголовное дело прекратил за недоказанность вины Ш.»¹².

Для нас в этом примере особый интерес представляет тот факт, что показания О. не были признаны ложными, так как уголовное дело в отношении ее не возбуждалось. С этой позиции (без решения суда о недопустимости доказательства, представленного О., и исключения его из доказательственной базы) — ее показания на момент вынесения оправдательного решения оставались юридически сильными, т. е. они соответствовали формальным критериям относимости, допустимости и достоверности, и были равны по *юридической силе* показаниям Ш. Однако суд своим решением все же признал показания Ш. более заслуживающими внимания, т. е. более сильными в плане *доказательственной силы*, на основании выведенного нами выше критерия субъективной надежности источника доказательства. Другими словами, следствие субъективно «поверило» показаниям О., а суд субъективно «поверил» показаниям Ш.

Отметим, что аналогичные ситуации не раз описывались в литературе. Например, известный в науке доказательственного права Н.Н. Полянский подчеркивал то, что «необходимо быть верным принципу равенства всех перед судом независимо от социального, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности, т. е. *нужно верить* таким доказательствам, которые объективно наиболее убедительны»¹³.

По вопросам доверия к тем или иным доказательствам имеются данные, которые также, в определенной мере, подтверждают все вышесказанное. Так, например, некоторую дифференциацию по доказательственной силе имеет такой вид доказательств, как показания. Об этом косвенно свидетельствует наличие/отсутствие и количество повторных допросов как средств получения и закрепления доказательств в виде показаний соответствующих лиц, а также проверки предыдущих показаний. То есть чем меньше повторных допросов, тем надежнее считают следователи данный вид показаний. Анализ следственной практики, показывает, что повторные «допросы подозреваемых и обвиняемых имели место практически по всем... уголовным делам (133); потерпевших — в 94 % случаев (127 дел); свидетелей, показания которых имели важное доказательственное значение, — по 54 % дел (73)»¹⁴.

Таким образом, исходя из данного критерия проверки достоверности показаний, можно сделать вывод о том, что в современной российской следственной практике доверие к показаниям распределяется следующим образом. Самое доверительное отношение — к показаниям свидетелей, затем — к показаниям потерпевших и практически полное недоверие к показаниям подозреваемых, обвиняемых.

Аналогичным образом дело обстоит и с другими видами доказательств. Подчеркнем, что предположение о реальном наличии субъективной надежности источника доказательства как одного из элементов доказательственной силы доказательств, т. е. того, на основании чего принимается реше-

ние по делу, — согласуется с выработанными судебно-следственной психологией положениями. Так, в качестве исходного пункта начала процесса формирования убеждения выступает некоторая совокупность знаний¹⁵, которая, очевидно, заранее определена для субъекта доказывания его жизненным и профессиональным опытом. Таким образом, в процессе доказывания субъекты этой деятельности изначально, по неустрашимым объективным причинам, отдают свои «предпочтения» тому или иному источнику доказательств.

Третьим элементом доказательственной силы доказательств нами названа **субъективная внутренняя и внешняя** непротиворечивость доказательств.

Именно это, т. е. понимание логических псевдообъективных связей как объективных, является результатом проявления несовершенства логического мышления лиц, исследующих доказательства. Например, чем можно объяснить тот факт, что «прослеживается в деятельности судов и тенденция непризнания достоверности доказательств, добытых на предварительном следствии, без какой-либо при этом их оценки»¹⁶. Только субъективизмом, только их полной уверенностью в том, что они (доказательства) настолько не имеют отношения к делу — или настолько абсурдны, что их даже оценивать не требуется — «и так все ясно...».

О заблуждениях (т. е. о неправильном логически-аргументационном умственном отображении информации, происходящем в процессе поиска субъективной уверенности о том, что с этими доказательствами «все в порядке») свидетельствует и судебная практика.

Алтайский краевой суд по делу Горькова С, Горькова А. и Кулешова пришел к выводу о доказанности вины Горьковых в убийстве Черненко и недоказанности вины Кулешова в совершении этого преступления. При этом суд сослался на явки с повинной Горьковых и Кулешова, признав их содержание достоверным, не противоречащим друг другу, а сами явки с повинной — допустимым доказательством.

Между тем из явки с повинной Горькова С. видно, что все трое осужденных были соисполнителями убийства Черненко.

Кроме того, в обоснование вывода о недоказанности вины Кулешова суд сослался на то, что имеющиеся доказательства (в том числе явки с повинной) являются противоречивыми.

*При таких обстоятельствах суд сделал взаимоисключающие выводы в отношении одних и тех же доказательств*¹⁷.

В случае если суд ничего не может сделать с ситуацией, когда доказанность субъективная более очевидна, чем доказанность формальная, он прибегает даже к таким формулировкам: «*незначительные противоречия обусловлены объективными и субъективными причинами... и недоказанность вины Мустафаева не влияют*»¹⁸.

Отсюда мы делаем закономерный вывод о том, что в определенных ситуациях доказательственная сила доказательств бывает даже значимее, нежели нормативно-закрепленная сила, основывающаяся

на признаках относимости, допустимости и достоверности. Это очевидно, раз суд решается оставить какие-либо доказательства противоречащими другим в доказательственной базе (что прямо свидетельствует о том, что какие-то из них — почти наверняка недопустимы).

С другой стороны, понимание правоприменителем какого-либо доказательства как не противоречащего доказательственной базе и его вера (как присущее всякому человеку чувство, которое субъект доказывания не может отбросить в процессе доказывания¹⁹) в то, что это доказательство: как не вызывает сомнений или противоречий само по себе, в обособленном виде, так и при его оценке во всей совокупности доказательств, собранных по уголовному делу, является в некотором роде гарантом того, что вынесение любого решения будет осуществлено им именно и только на основе убеждения, возникшего без влияния извне.

Здесь мы коснулись проблемы вызывания состояния уверенности в сознании судей, следователей, прокуроров, других лиц. Иначе говоря, рассмотрим такое свойство доказательств (элемент доказательственной силы), как **способность вызывать состояние уверенности** (или убежденности) у лица, рассматривающего его.

В первую очередь необходимо подчеркнуть невозможность законодательной регламентации процесса возникновения убежденности, так как «по существу таким убеждением выражается *психическое* отношение субъектов доказывания к достоверности или недостоверности исследуемых обстоятельств и фактов»²⁰.

И как правильно подчеркивает Ю.М. Грошевой, «в таком убеждении концентрируется направленность *личности* судьи, его профессиональное правосознание и др.»²¹.

Именно это дает нам основание утверждать о том, что судьи (да и все субъекты доказывания) должны пользоваться при определении позиции по отношению к тому или иному доказательству именно своим пониманием, своим доверием или недоверием, своим разумом и совестью.

Такое положение дел было как 50 лет назад, так есть и на сегодняшний день.

Так, например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 11 октября 1950 г. по делу Сумского, осужденного за разбойное нападение, в качестве одного из оснований отмены обвинительного приговора указана сомнительность опознания обвиняемого потерпевшим, так как «*сомнительно, чтобы преступник при нападении начал освещать себя фонарем, как об этом утверждает потерпевший*»²².

Из свежих примеров: по одному из уголовных дел, рассмотренных в г. Архангельске, судья Елина «...свидетелям защиты не верит, потому что они, дескать, с подсудимыми друзья... Зато верит потерпевшему: «...показания потерпевшего суд *находит правдивыми*» — написано в приговоре»²³.

Необходимо подчеркнуть то, что суд должен указывать в приговоре мотивы, в силу которых он при-

нимает за достоверные одни показания и отвергает другие¹. В вышеописанном случае таким мотивом судьи Елиной выступило ее знание о том, что свидетели защиты — друзья подсудимого. Однако ни в законе, ни даже в самых смелых статьях и диссертациях нет и упоминаний о том, что показания друзей обвиняемого нужно признавать недостоверными.

В свете вышеизложенного требования закона, предъявляемые к формальной юридической силе доказательств, представляются несколько второплановыми, так как «процессуальный закон не устанавливает и не может устанавливать порядок логических рассуждений при оценке доказательств. Кроме того, в процессуальном законе невозможно предусмотреть, в каких ситуациях суд должен отдавать предпочтение объяснениям одной из сторон, показаниям конкретного свидетеля либо иному определенному доказательству»²⁵.

Именно об этом, т. е. о некоторой зависимости судейского убеждения от вида доказательства, говорил Уильям Уильз в своем знаменитом труде «Опыт теории косвенных улик, объясненной примерами», когда констатировал: «...вследствие бесконечного индивидуального различия между людьми нет никакой возможности точно определить все тонкие оттенки и бесчисленные комбинации человеческих побуждений и действий... общую меру доказательства, которое могло бы производить одинаковое действие на умы всех людей с одинаковой неизменной силой»²⁶.

Итак, необходимо подвести некоторые итоги: формальными признаками доказательств являются относимость, допустимость, достоверность, которые определяют общие требования к доказательствам, но нет и не может быть установлен закон, которые бы регламентировали порядок индивидуальных логических (и чувственных) рассуждений конкретного лица, исследующего доказательства по поводу ценности того или иного доказательства.

Доказательственная сила доказательств основывается на субъективном восприятии лицом вида доказательства, субъективной надежности источника доказательства, субъективной внутренней и внешней непротиворечивости, и именно на основе этого, т. е. признаков доказательственной силы, рождается уверенность, т. е. убежденность субъекта доказывания в том или ином факте.

¹ Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М.: Юрист, 2000. С. 7.

² Подольный Н.А. Убедительность — одно из требований, предъявляемых к доказательствам современным уголовным судопроизводством. Российский судья. 2004. № 7. С. 4.

³ Будников В. Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 45.

⁴ Курс советского уголовного процесса. М., 1968.

⁵ Об этом см.: Белкин А.Р. Теория доказывания: Научно-методическое пособие. М.: Норма, 2000. С. 189.

⁶ Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юрист, 1995. С. 40.

⁷ Белкин Р.С. Теория доказывания: Научно-методическое пособие. М.: Норма, 2000. С. 198.

⁸ Ч. 2 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская газета. № 249, 22.12.2001.

⁹ Бохан В.Ф. Психологический анализ содержания судейского убеждения // Вопросы судебной психологии. Выпуск 1. Мн., Изд-во БГУ, 1970. С. 46.

¹⁰ Мустаханов Р. В какой мере показания психически больных граждан, имеющих процессуальный статус потерпевших или свидетелей, будут иметь доказательственную силу по уголовному делу? // Законность. 2000. № 3. С. 30.

¹¹ Лубшев Ю. Построение защиты, обусловленное особенностями доказательств // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 49.

¹² Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 8. С. 6-8.

¹³ Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 170.

¹⁴ Сильное М.А. Допрос как средство процессуального доказывания на предварительном следствии. Дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук (специальность 12.00.09). М., 1997.

¹⁵ Бохан В.Ф. Психологический анализ содержания судейского убеждения // Вопросы судебной психологии. Выпуск первый. Мн., Изд-во БГУ, 1970. С. 66.

¹⁶ См.: Радченко В. Некоторые вопросы судебной практики по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами // Бюллетень Верховного Суда. 1993. № 8.

¹⁷ Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2002 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 8. С. 16.

¹⁸ Определение Верховного Суда № 5-066/02 от 15.11.2002 г.: «Приговор в части осуждения по части 1 статьи 226 Уголовного кодекса РФ отменен, а дело прекращено за отсутствием состава преступления, поскольку судом не приведено доказательства, свидетельствующих о противоправном завладении осужденного оружием, а указание о завладении оружием с целью совершения преступления и фактическом применении при его совершении само по себе не может служить основанием для осуждения за хищение оружия» // Документ опубликован не был [Справочно-информационная правовая система «Консультант + Судебная практика»].

¹⁹ См. об этом: Вопросы судебной психологии. Выпуск 1. Мн., Изд-во БГУ, 1970. С. 46-47.

²⁰ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Издательство Казанского университета, 1976. С. 203.

²¹ Грошевой Ю.М. Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном процессе. Автореферат диссертации. Харьков, 1975. С. 5.

²² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 11 октября 1950 г. по делу Сумского // Документ опубликован не был.

²³ Третьякова О. Путем сложения максимумов суд вычел из жизни 22 года // Правда Севера. № 9. (3 марта 2004 г.) С. 12.

²⁴ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 317.

²⁵ Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1998. С. 49.

²⁶ Уильз У. Опыт теории косвенных улик, объясненной примерами. М.: Типография Грачева и комп., 1864. С. 205.

САЙТ
ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ

«ЮРИСТ»

WWW.LAWINFO.RU